

В. П.
СВЕНЦИЦКИЙ

Сочинения

Валентин Свенцицкий
Наследство Твердыниных

«Public Domain»

1913

Свенцицкий В. П.

Наследство Твердыниных / В. П. Свенцицкий — «Public Domain», 1913

«...Игравшиеся лучшими актерами дореволюционной России пьесы Свенцицкого охватывают жанры от мистической трагедии («Смерть») до бытовой драмы с элементами комедии («Интеллигенция»), проникнуты духом обличения пороков и пророчествуют о судьбе страны («Наследство Твердыниных»)...

Содержание

Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Валентин Павлович Свенцицкий

Наследство Твердыниных

Действующие лица

Прокопий Романович Твердынин, старик, 62 года.

Андрей Иванович Твердынин, 26 лет.

Племянники его:

Сима, 19 лет;

Оля, 18 лет.

Клавдия Антоновна Твердынина, мать их, 50 лет.

Пётр Петрович Березин, молодой человек, жених Оли.

Софья Григорьевна Перова, красивая девушка из бедной чиновничьей семьи, невеста Андрея Ивановича, 22 года.

Анна Васильевна Андропова, экономка Твердыниных, бывшая няня Оли и Симы, полная стареющая женщина лет 40, недурна собой.

Николай Николаевич Разумовский, адвокат.

Паранька, кухарка, краснощёкая глупая девка.

Жильцы дома Твердыниных:

Сойкин, портной;

Яшка – рыжий;

Старуха.

Дворник, жильцы, народ.

Действие первое

Большая, но очень низкая и мрачная комната в квартире Твердыниных. Три двери: прямо, справа и слева. В глубине сцены длинный обеденный стол. У задней стены буфет, тёмный, массивный. На переднем плане широкий старинный диван и два кресла. С левой стороны письменный стол, заваленный бумагами. Комната служит и столовой, и гостиной, и кабинетом. Общий вид беспорядочный, неудобный. Роскошная мягкая мебель и простые табуретки. Бронзовая люстра, а на письменном столе кухонная лампа без абажура. На левой стене две громадные картины в золотых рамах, в углу лубочные листки с изображением ада, смертных грехов и т. д.

Сима полужёжа на диване читает книгу. Маленькая дверь слева со скрипом отворяется, и робко просовывается голова *Сойкина*.

С о й к и н. Прокопий Романович дома-с?

С и м а. Дома, а что тебе?

С о й к и н. Деньги за квартиру принёс.

С и м а (*быстро встаёт*). Зачем же Прокопий Романович, это и я могу.

С о й к и н (*входит в комнату*). Не забранили бы Прокопий Романович. (Держит в руках квартирную книжку и деньги.)

С и м а. Вот вздор. Приложу штемпель «получено сполна», вот и всё. Мы теперь одинаковые хозяева.

С о й к и н (*нерешительно*). Я знаю-с... Да как бы не вышло чего... Покойный дедушка...

С и м а (*перебивает*). Теперь у нас всё по-новому. Мы все хозяева. (*Берёт деньги*.) Сколько? (*Считает*.)

С о й к и н. Десять рублей... а уж два-то рублика повремените-с, сделайте милость... (*Кланяется*.)

С и м а. Что за вздор! Конечно, можно. (*Идёт к столу, достаёт штемпель и невольно оглядывается на правую дверь*.) Значит, по первое мая десять рублей. (*Пишет*.) Два рубля пойдёт на май... Так?

С о й к и н. Так точно-с... на май. (*Вздыхает*.) Дорожает жизнь, дорожает... Что дальше будет – Богу одному известно. Было времечко-с, мясо по пятаку брали – теперь приступа нет... И овощи, и рыба... Чем питаться рабочему человеку?.. Одному Господу Богу известно-с...

С и м а (*отдаёт книжку*). И так и написал: десять рублей получил, а два рубля отсрочил до пятнадцатого мая.

Входит Анна Васильевна и останавливается в дверях. Сима не видит её.

С о й к и н. Покорно благодарим-с... (*Берёт книжку и кланяется*.) Дай вам Господи... А если Прокопий Романович... так вы уж...

С и м а. Перестань, пожалуйста! Я же сказал...

С о й к и н. Благодарим-с... покорно благодарим-с. (*Уходит*.)

А н н а В а с и л ь е в н а. Так-так! Новый хозяин объявился! (*Смеётся*.) Постой, задаст тебе Прокопий Романович на орехи.

С и м а. Плевать я на него хотел.

А н н а В а с и л ь е в н а. На словах-то куды востёр – на деле какой будешь?

С и м а. Ну, это вас не касается. (*Хочет идти*.)

А н н а В а с и л ь е в н а (*меняя тон*). Уходишь?

С и м а. Если Андрей спросит, скажите, что я ушёл по делу.

А н н а В а с и л ь е в н а. Ты погоди уходить-то. Деньги цапнул – сейчас и со двора вон. Раньше не делал так. Поласковее был.

С и м а. Всё вы вздор говорите. (*Хочет идти.*)

А н н а В а с и л ь е в н а (*подходит к нему*). Симочка... (*берёт его за руку*) глупый мальчик... Разве дома... нехорошо тебе?.. Чем ходить да искать-то...

С и м а (*отдёргивает руку*). Всегда вы с глупостями. (*Идёт к двери.*)

А н н а В а с и л ь е в н а. Я видела, как ты деньги у Сойкина брал, – попомни!

С и м а (*из-за двери, смеётся*). Ваше счастье!

А н н а В а с и л ь е в н а (*ему вслед*). Посмотрим!.. Как бы не пришлось раскаиваться, Симочка...

Из правой двери входит Андрей Иванович.

А н д р е й И в а н о в и ч. Где Сима?

А н н а В а с и л ь е в н а. На бульвар побежал.

А н д р е й И в а н о в и ч. Я сейчас его голос слышал.

А н н а В а с и л ь е в н а. Был да убежал... Андрей Иванович, я должна вам сказать. Живу я у вас как родная. Оленьку и Симочку вынянчила... Смотреть надо за ним. Ни за что пропадёт. Жалко мне его. Потому он как сын мне. Клавдия Антоновна, сами знаете, женщина тихая, ей с ним не справиться.

А н д р е й И в а н о в и ч (*рассеянно*). А что? Разве случилось что-нибудь?

А н н а В а с и л ь е в н а. Бегает мальчишка без призору. Долго ли до греха?

А н д р е й И в а н о в и ч. Ну он же не маленький... Куда он ушёл, Аннушка? Я же просил сегодня никого никуда не уходить.

А н н а В а с и л ь е в н а. На руку он нечист – вот что...

А н д р е й И в а н о в и ч (*удивлённо*). Что ты, Господь с тобой!

А н н а В а с и л ь е в н а. Верно говорю. Сама видела.

А н д р е й И в а н о в и ч. Будет тебе.

А н н а В а с и л ь е в н а. Сама видела. Сойкин деньги за квартиру приносил. Он их в карман – да вот и побежал на бульвар

А н д р е й И в а н о в и ч. Что ж тут такого? Он такой же хозяин, как и мы. Глупости всё это.

А н н а В а с и л ь е в н а (*вспыхивая*). Всё у вас глупости! Распустите всех, потом спохватитесь, да поздно. Дедушка бы ваш прижал его.

А н д р е й И в а н о в и ч. Ты не сердись, Аннушка. Мне и так не по себе.

А н н а В а с и л ь е в н а. Разве опять что?

А н д р е й И в а н о в и ч. Нет... А так... сердце не на месте. Дальше невозможно так жить. Ад какой-то, хуже, чем при дедушке. Трёх недель со смерти его не прошло – и ни одного дня без скандала.

А н н а В а с и л ь е в н а. Обживётесь. Вот потолкуете сегодня, обсудите всё, и обойдётся.

А н д р е й И в а н о в и ч. Не верю я... Дядюшка не уступит, он хуже деда. С дедом говорить можно было, а с дядюшкой я не умею. Сима ушёл. Адвоката позвал я – тоже не едет... Боюсь я сегодняшнего дня, Аннушка... ведь это последняя надежда. Не удастся – значит, двадцать пять лет в таком аду жить.

А н н а В а с и л ь е в н а. Робки вы очень, Андрей Иванович, всё ещё покойного дедушку боитесь. Думаете, что всё, как при нём: в семь часов спать ложиться, чай на заварку получать да чёрствый хлеб есть.

А н д р е й И в а н о в и ч. Робок – это верно. Да главное – ссор не люблю. Всё по-хорошему хочу. Чтобы все довольны были. На какие угодно уступки пойду, лишь бы скандалов не было.

А н н а В а с и л ь е в н а. А оно хуже так-то выходит.

А н д р е й И в а н о в и ч. Как же быть... Вот и не знаешь... хочешь получше бы...

Звонок.

Верно, Николай Николаевич приехал.

Анна Васильевна идёт в прихожую отпирать дверь. Входит Адвокат, Анна Васильевна проходит в боковую дверь.

Ну, слава Богу, что приехали... Господи, как же я рад! Вот хорошо-то... (*Здоровается.*) Садитесь, Николай Николаевич...

А д в о к а т. К вашим услугам, Андрей Иванович. Всегда рад помочь, чем могу, всегда рад. (*Садятся.*)

А н д р е й И в а н о в и ч. Измучились мы с дядей, сил никаких нет... Я решил, Николай Николаевич, сегодня поговорить с ним окончательно. Маленький такой семейный совет сделаем... А вас попрошу побыть с нами... как лицо официальное. В случае чего чтобы нам всё по форме, по-хорошему сделать.

А д в о к а т. Дай Бог, Андрей Иванович, конечно... Но, говоря откровенно, обнадеживать вас не могу. Прокопия Романовича знаю давно. Дела ваши тоже хорошо известны мне. И, взвешивая, так сказать, все обстоятельства дела, со стороны юридической и общечеловеческой, полагаю, что благоприятного исхода ожидать трудно. Скажу более: невозможно, Андрей Иванович.

А н д р е й И в а н о в и ч (*упавшим голосом*). Я и сам думаю так, Николай Николаевич, – да что же делать-то?.. научите ради Христа?..

А д в о к а т. Юридически дело решить – как я уж и докладывал вам сейчас же по прочтении завещания – невозможно. В завещании говорится ясно: ни делить имущество, ни продавать, ни брать капиталов из банка в течение двадцати пяти лет наследники не имеют права. Вы можете пользоваться исключительно только процентами и доходами, причём делить их должны с общего согласия. С юридической стороны, таким образом, вопрос ясен и безнадёжен. Остаётся сторона нравственная. Да. При известном согласии можно было бы урегулировать материальные взаимоотношения и, не нарушая законных норм, так сказать, создать допустимые обходы закона. Но, повторяю, при наличии полного согласия наследников. Между тем, я имею основания предполагать, что Прокопию Романовичу прекрасно известно положение вещей и что он не захочет расставаться с ролью хозяина. Дай Бог, конечно, дай Бог, я рад, всегда рад помочь. Но когда нет почвы для обхода – перед буквой закона я бессилён.

А н д р е й И в а н о в и ч. Я и сам так думаю, Николай Николаевич... Да надо же делать что-нибудь? Ведь жизнь наша хуже нищенства... Каждый хочет урвать себе. Дядя ловит квартирантов и отбирает у них деньги. Всех подозревает, оскорбляет, мучает. Я из сил выбился, Николай Николаевич, – погубит нас это проклятое наследство!

А д в о к а т. Да, дедушка ваш и при жизни был крут. А после смерти оказался ещё хуже.

А н д р е й И в а н о в и ч. При дедушке гораздо было лучше. Мы жили впроголодь, но определённой жизнью. А теперь и не знаю, как жить, как себя держать?.. Мы все измучились... Я так не люблю ссор, брани, неудовольствий... На всё готов... Мне много не надо... Лишь бы хорошо было всем.

А д в о к а т. Прокопия Романовича я понимаю: это скряга и самодур в одно и то же время. Но кто является для меня, так сказать, психологической загадкой – это покойный дедушка ваш в момент духовного завещания.

А н д р е й И в а н о в и ч. А я дедушку понимаю... Ведь вы же знаете, как он в молодости жил. Первый дом его был – губернаторов принимал. Праздники на всю губернию устраивал. А потом к старости ходил по базару – рухлядь собирал. Дядюшка, ему сейчас шестьдесят два года, на глазах его превратился в такого же скрягу. Мой отец умер молодым – и неизвестно ещё, что бы из него вышло. Дед часто говорил: через двадцать пять лет все вы будете такими, как я... Вот потому он и написал своё завещанье. Боялся, что в молодости мы размотаем его миллионы. Ну, а когда состаримся, так же, как и он, начнём собирать по улице гвозди... (*Прислушивается. Слышен кашель. Вздрагивает, меняется в лице.*) Дядя идёт... Пойдёмте пока ко мне... Если он увидит нас вместе... тогда всё пропало...

Быстро уводит его в левую дверь. Входит Прокопий Романович. Одет не то в халат, не то в поношенное пальто, в руках толстые конторские книги, у пояса связка ключей. Сзади его идёт Анна Васильевна.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*идёт к столу*). Книги все будут храниться здесь... а ключи будут у меня... (*Кашляет.*)

А н н а В а с и л ь е в н а. Так-то лучше, Прокопий Романович, так-то лучше...

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч. Никому верить нельзя... все воры... каждый шалопай тащит...

А н н а В а с и л ь е в н а. Как тащут-то. Ох как тащут!

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*запирает книги*). А ты, Васильевна, поглядывай за ними... Я тебя поблагодарю... довольна будешь... Нечего тебе им служить-то...

А н н а В а с и л ь е в н а. Я и так, Прокопий Романович, как родная о вас болею. Добро не моё – а жалко, коли на ветер бросают-то.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч. Разве заметила что, Васильевна... (*кашляет*) говори... есть, что ли?..

А н н а В а с и л ь е в н а. Да уж и не знаю, как сказать-то, Прокопий Романович. Боюсь, поверите ли, не рассердитесь ли?..

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*весь настораживаясь*). Говори, Васильевна, говори...

А н н а В а с и л ь е в н а (*шёпотом*). Симка за квартиру с Сойкина деньги получил.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч. С Сойкина? Сколько?

А н н а В а с и л ь е в н а. Десять рублей... Я Андрею Романовичу сказывала: что, говорит, за важность – мы все хозяева.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*сжимая ключи*). Я хозяин!.. Я старший!..

А н н а В а с и л ь е в н а. Уж что говорить, Прокопий Романович, кто ж и хозяин-то, как не вы... Вы Симку-то к рукам бы прибрали, нечего ему тут по бульварам шляться. Пусть бы дома сидел. Дело бы ему какое ни на есть нашли.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*пристально смотрит на неё*). Чтобы дома, хочешь?

А н н а В а с и л ь е в н а. Избалуется... Я как мать, Прокопий Романович...

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*наклоняется к ней*). По-твоему сделаю... Заставлю... (*Кашляет.*) Слышь ты... А мы с тобой заодно будем. Ты за ними смотри. Глаз не спускай... Понимаешь, Васильевна?.. Согласна, что ли?..

А н н а В а с и л ь е в н а. Да я всегда, во всём, кажется, Прокопий Романович...

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*перебивает строго*). Не разводи! Слышь ты: прямо говори!.. Не перед кем ломаться-то. Симку заставлю... поняла?.. А ты мне служить будешь... Согласна, что ли?

А н н а В а с и л ь е в н а. Коли так, согласна.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*грозно*). Смотри, Васильевна, двум господам не служат...
Коль замечу что... хоть старик, а своими руками тебя... своими руками... (*Кашляет.*)

А н н а В а с и л ь е в н а. Что вы, что вы, Прокопий Романович, нечто я не понимаю?..
Вот и сейчас могу вам сказать... (*тихо*) Адвоката позвали.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*настораживаясь*). Адвоката, говоришь?

А н н а В а с и л ь е в н а. Да. Андрей Иванович на совет его позвал.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч. Кольку, что ли?

А н н а В а с и л ь е в н а. Его.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*усмехаясь*). Меня страшать, значит.

А н н а В а с и л ь е в н а. Андрей Иванович говорит: «Мы заодно будем с вами действовать». А Колька: «Я всегда рад».

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч. Где слышала-то?

А н н а В а с и л ь е в н а. Пришёл уж. Наверх увели. Сказывать не велели.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*смеётся*). Так-с... так-с... Ты мне Сойкина приготовь,
чтобы всегда под руками был, – может, понадобится... (*Садится в кресло. Пауза.*) А теперь
пойди к Андрюшке и скажи: Прокопий, мол, Романович готов поговорить с семьёй.

А н н а В а с и л ь е в н а. Слушаюсь, Прокопий Романович.

Анна Васильевна уходит в правую дверь. Левая дверь отворяется, показывается Клавдия Антоновна. Увидав Прокопия Романовича, хочет уйти.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч. Ты куда, Антоновна?.. Иди, иди, не прячься...

Клавдия Антоновна нерешительно входит в комнату.

К л а в д и я А н т о н о в н а. Я Олиньку ищу... верно, наверху...

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч. Садись, Антоновна, садись... И её сейчас позовут.
Семейный совет будет. Меня судить хотят. (*Клавдия Антоновна молчит и не садится.*) Ты что
же стоишь? Садись.

К л а в д и я А н т о н о в н а. Я лучше пойду, Прокопий Романович.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч. Как же без тебя совет-то? Ты мать – без матери какой
же совет?.. Вот и они идут все.

Клавдия Антоновна покорно садится. Входят Андрей Иванович, Оля и Пётр Петрович. Оля садится около матери, Андрей Иванович и Пётр Петрович – ближе к Прокопию Романовичу.

А н д р е й И в а н о в и ч (*очень смущённо*). Минутку подождать придётся, Прокопий
Романович... Я просил... Николая Николаевича на всякий случай... Может, справка понадо-
бится... законы... и всё...

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч (*показывает на Петра Петровича пальцем*). Этот
тоже совещаться?

А н д р е й И в а н о в и ч. Ведь ты же знаешь, дядя... Пётр Петрович свой человек...

П ё т р П е т р о в и ч. Коли вам угодно – я могу уйти.

П р о к о п и й Р о м а н о в и ч. Сиди-сиди! Все сидите... Денег много, на всех хватит...
(*Кашляет.*)

А н д р е й И в а н о в и ч. Дядя!

Прокопий Романович. Или не так что сказал?.. Прошу прощения... По старой памяти – за хозяина себя почитаю...

Звонок.

Андрей Иванович. Ну, слава Богу... Николай Николаевич, верно...

Анна Васильевна проходит в прихожую, открывает дверь. Входит Адвокат. Анна Васильевна садится в глубине сцены.

Адвокат (здоровается). Простите, господа: я, кажется, задержал вас... Столько дел... Прокопий Романович. Дорога дальняя, как не опоздать...

Пауза. Прокопий Романович перебирает ключи. Слышно, как они позвякивают.

Андрей Иванович. Так начнёмте... Садитесь, Николай Николаевич, вот сюда... Придвигайтесь...

Адвокат садится. Молчание.

Может быть, Прокопий Романович, вы скажете...

Прокопий Романович. Мне говорить нечего...

Андрей Иванович. Только вы не сердитесь, Прокопий Романович... Поговорим по-родственному... Не будем, господа, ссориться сегодня. Я всё скажу. Как у меня на душе, так и скажу...

Покойный дедушка, сами знаете, какой человек был. И голодать заставлял нас, и унижаться... Тяжело жилось... Но после его смерти нам всем, кажется, ещё хуже стало... Вы не сердитесь, Прокопий Романович, я вас не сужу... Я хочу, чтобы всем хорошо было... Но вы, Прокопий Романович, всех подозреваете и сами мучаетесь. У всех у нас злоба растёт с каждым днём. И чем это кончится, Богу одному известно. Денег много. Всем бы хватило. Жить да радоваться... А мы что делаем? Измучились все... И вы, Прокопий Романович, измучились... Точно цепью нас всех сковали... хуже тюрьмы... *(Смолкает сильно взволнованный.)*

Прокопий Романович. Правду, правду говоришь. Да кто ж тебя держит-то?

Андрей Иванович. Ах, Прокопий Романович, ведь всякому жить хочется! Куда же я без денег гожусь? К чему приучен?.. Да кроме того, не один ведь я: маменька, Оля, Сима... Вы не сердитесь, Прокопий Романович, мы же по-родственному говорим... Как бы всем лучше... Вот я и хочу сказать: зачем нам от своего богатства муку такую терпеть? Ведь если так дальше пойдёт – добром не кончится... Вот уж который день тревожно у меня на душе, дядюшка, – это не к добру...

Прокопий Романович. Ну это ты оставь... Что же, по-твоему, – делиться? Делись, пожалуй, я согласен. Почему не делиться...

Андрей Иванович. Вы не смейтесь, Прокопий Романович. Делиться нельзя – я знаю.

Прокопий Романович. А коли знаешь, о чём же разговаривать тогда?

Андрей Иванович. Я всё придумал, Прокопий Романович, вы только выслушайте. Не сердитесь только. Так придумал, что всем хорошо будет...

Прокопий Романович. Так-с... так-с...

Андрей Иванович. Лишь бы согласие было. А устроить всё и не делаясь можно. И выйдет всё равно, как бы разделились.

Прокопий Романович. Мудрёное что-то... (*смотрит на адвоката*) Не всякий адвокат выдумает.

Андрей Иванович. Вот послушайте, Прокопий Романович... Мы всё по-родственному сделаем... И всем хорошо будет... (*торопится*) Вот послушайте... После дедушки деньгами осталось около шести миллионов. Пользоваться мы можем только процентами – это составит около двухсот тысяч в год... Так?..

Прокопий Романович. Ну, так, положим...

Андрей Иванович. Землю продавать мы тоже не можем, но можем сдать её в долгосрочную аренду. Положим, тысяча пятьдесят в год... так?.. Остаются дома...

Прокопий Романович. Что там высчитывать, ты о том, как делить, говори.

Андрей Иванович (*торопится ещё больше*). Сейчас-сейчас, я всё скажу... Чтобы никому не было обидно... и чтобы всё по-хорошему было... никто из нас не должен касаться этих денег... То есть сам не должен касаться...

Прокопий Романович. Так-с...

Андрей Иванович. Вы постойте, Прокопий Романович, вы выслушайте... Мы возьмём управляющего... Выдадим ему доверенность... Он будет вести все дела, получать деньги, всё... Раз в год доходы будут делиться между всеми наследниками... то есть между нами... поровну... Или иначе как-нибудь... Об этом мы спорить не станем... Мы сговоримся... по-родственному... Только бы главное-то решить... И все тогда будут довольны... Вот пусть Николай Николаевич скажет... правду я говорю? Можно так?

Адвокат. С юридической точки зрения, ваш проект является, безусловно, закономерным. Не касаясь отношений семейных, обсуждение которых не входит, так сказать, в круг моей компетенции, я полагаю, что при настоящих условиях выход может быть только один: раздел не капиталов, а доходов. Важно установить, так сказать, общий принцип предполагаемого раздела. Что касается сдачи земли в долгосрочную аренду, то и это представляется мне самым целесообразным, реализуя сразу доход с земельной собственности и тем облегчая возможность раздела доходов. Так представляется мне этот вопрос с юридической точки зрения. Детали этого раздела являются уже делом не юридическим, а семейным. Будет ли выдана доверенность кому-либо из числа наследников или особо выбранному лицу – с точки зрения юридической – значения не имеет. Но позволю себе сказать, уже не как юрист, а как человек, знающий давно вашу семью, следующее: назначение лица постороннего, незаинтересованного, беспристрастного, однако же, заслуживающего доверия со стороны всех заинтересованных лиц, скорее бы могло придать вашей жизни, так сказать, мирное течение. Вот всё, что я могу сказать, господа, об обстоятельствах настоящего дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.